

Епископ Дионисий (Алферов)

РАЗМЫШЛЕНИЕ О РУССКОЙ СМУТЕ

Дионисий Алферов

Размышление о русской смуте

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35004736

Размышление о русской смуте. / Епископ Дионисий (Алферов): Перо;

Москва; 2018

ISBN 978-5-00122-219-4

Аннотация

Тема жизнеспособности сильного государства, его устойчивости к вирусу революции сохраняет свою актуальность в наши дни в полной мере. Последние десятилетия наглядно показали, что у революции, действительно, нет конца. Известный автор Русской Зарубежной церкви, постоянно живущий в России, иеромонах, затем епископ Дионисий (Алферов) тридцать лет посвятил изучению этих вопросов с исторической, нравственной, духовной и пастырской точки зрения. Сборник его статей разных лет, написанных в несколько разном политическом контексте, посвящается столетию белой борьбы. Осмысление подвига белых борцов, уважение к их памяти только и могут послужить той основой, на которой возможно преодоление внутривнутриполитических смут и богоборческих революций. Подробнее с автором и его наследием можно ознакомиться на сайте www.evanorthodox.ru

Содержание

Смута	4
Предпосылки смуты в царствование Бориса Годунова	8
Соблазн самозванца	19
Царь Василий Шуйский в борьбе со смутой	28
«Национал-большевики» из лагеря Болотникова	33
Тушинский вор	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Епископ Дионисий (Алферов) Размышление о русской смуте

Смута

Тема революции и гражданской войны (второй русской смуты) рассматривалась многими выдающимися русскими мыслителями и до сих пор продолжает волновать русских патриотов. В центре внимания стоят причины катастрофы, случившейся с Российской империей, и неудача белого движения. Вкратце ответы на эти вопросы даются обычно так. Внутренняя причина революции – отход по-западному образованной русской интеллигенции от Церкви и ее оппозиция монархии. Внешняя причина – мощный жидо-масонский заговор, спровоцированная им мировая война, истощившая силы народа и сделавшая его удобопредельцаемым на революционную пропаганду. Причины поражения белых также ищутся в их нецерковности и немонархизме.

Эти ответы можно считать верными лишь приблизительно. Они дают формально правильную схему. Но, как и вся-

кая схема, они ограничены и не полны, а потому требуют дополнительного раскрытия и уточнения. Схема сводит проблему к внешней церковности и к формальному монархизму, приписывает им спасительное действие самим по себе. Но насколько может быть действенной форма без содержания?

Нам кажется полезным взглянуть на причины и ход первой русской смуты (начала XVII века), которая лучше помогает понять причины и смуты второй. Вторая русская смута (начала XX века) была сложным процессом, со многими побочными явлениями, затрудняющими рассмотрение главных причин. Первая русская смута проще и яснее для понимания.

В Московском государстве XVII века не было евреев и мажонских лож. Не существовало западнически образованной интеллигенции (как и никакой другой), ни университетов, ни даже школ, ни газет, ни иных средств массовой информации. Иезуитская агентура пыталась интриговать (через самозванцев), но имела очень ограниченные возможности. Не было примера «великой французской революции», про республиканские идеалы никто не слыхал. Все были по своим убеждениям монархистами. Не слышно было ни про атеистов, ни про нигилистов или вольнодумцев – все были православными и церковными. Неудачной внешней войны, способной возбудить недовольство правительством, Россия тогда не вела. И, несмотря на все это, произошла страшная смута, про-

должавшаяся более десяти лет, опустошившая всю страну и едва не положившая конец и Русскому государству, и русскому народу. Очевидно, что главные причины первой смуты – наши внутренние.

История первой смуты дает богатый материал для понимания природы монархической власти. В наше время многие монархисты сосредотачивают внимание на превосходстве монархии перед республикой, а наследственного монарха – перед выбранным президентом. Гораздо меньше внимания уделяют связи монархии с духовно-нравственным состоянием народа, с его правосознанием, с требованиями, предъявляемыми к самому монарху.

Казалось бы, разные аспекты монархии были в свое время исчерпывающе разобраны Л.А. Тихомировым в его капитальном труде «Монархическая государственность». Но в новых исторических условиях возникали новые вопросы, связанные с монархией. Так, уже через несколько десятилетий после крушения монархии в России в ином преломлении рассматривались проблемы монархии профессором И.А. Ильиным, например, в работе «О монархии и республике».

Какое значение для государства имеет царствующая династия и возможна ли ее смена? Нужен ли народно-представительный орган для призвания и избрания нового царя или для его воцарения достаточно его вооруженных сторонников? Имеет ли решающее значение факт церковного пома-

звания монарха на царство, или его династическое происхождение, или его личные достоинства? Что важнее для устойчивости трона: успешная политика или популярность в народе? Имеет ли силу присяга, принесенная монарху, лично недостойному и даже не вполне законному? Должен ли монарх служить национальным интересам или нация должна служить интересам монарха? За всем этим стоит более глубокое измерение монархии, ее духовное содержание. Кому она служит, какой духовный знак на себе несет? Эти вопросы имеют наглядные ответы в истории первой русской смуты, которую мы попробуем рассмотреть, используя исторические исследования Карамзина, Соловьева, Костомарова, Скрынникова.

Предпосылки смуты в царствование Бориса Годунова

Известно, что непосредственной причиной первой смуты (1603 – 1613) была смена царской династии: прекращение Московского дома династии Рюриковичей за смертью царя Феодора Ивановича (1584 – 1598) и воцарения брата его жены – Бориса Годунова (1598 – 1605). Эта смена поставила перед русским сознанием вопрос о легитимности нового царя.

В течение более семи веков на Руси правила династия Рюриковичей. Никакие другие фамилии не имели права на великокняжеские столы. Московский дом представлял одну из младших ветвей этой династии. В результате присоединения многих удельных княжеств к Москве их бывшие владельцы, даже из старших ветвей Рюриковичей, утратившие самостоятельность, стали служилыми московскими «боярами-княжатами», по старшинству в службе уступая старомосковским боярам. Свое первенство им пришлось добывать уже на московской службе. И мы видим среди выдающихся московских воевод XVI века многих потомков древних родов: Горбатого-Шуйского (покорителя Казани, 1552) и И.П. Шуйского (героя обороны Пскова, 1581–1582), М.П. Воротынского (победителя Крымской орды при Молодях, 1572), А. Курбского – потомка ярославских князей и др. Но и бо-

евые заслуги не давали им прав на престолонаследие. Московские великие князья с большим подозрением взирали на «бояр-княжат», не без оснований подозревая их в намерениях «подыскиваться на царство».

Массовые репрессии Грозного обрушились прежде всего на оставшихся Рюриковичей. Большинство их было казнено или сослано, некоторые (Курбский) бежали в Литву. Разгром аристократии, учиненный Грозным, выбил все наиболее заметные фигуры, всех возможных лидеров и вождей, оставив людей духовно и нравственно мелких, подобно тому, как после вырубки мачтового леса отрастает кустарник. Поэтому прекращение Московского дома открыло дорогу к трону другим фамилиям, выдвинувшимся в царствование Грозного, Годуновым и Романовым, вступившим между собою в ожесточенную борьбу.

Пресечение Московского дома было делом рук Ивана Грозного. Ненамеренное убийство в гневе наследника престола царевича Ивана пресекло главную линию, так как потомства у царевича не было. Остались младший брат царевича Ивана – Феодор и младенец Димитрий от последней седьмой жены Грозного Марии Нагой. Линия двоюродного брата Ивана Грозного – князя Владимира Андреевича Старицкого, была полностью уничтожена по приказу царя в ходе опричнины: был убит сам князь Владимир с матерью, женой, детьми и домочадцами.

Царевич Феодор Иоаннович не был подготовлен к делу

правления: «Се не царь, а пономарь», – говорил про него отец. Рано лишившись матери, он провел юность в Александровой слободе, среди кровавых оргий отца с опричниками. Забитый, запуганный отцом и его подручными, Феодор пережил тяжелые душевные потрясения. Дабы отвести от себя подозрения и гнев отца, он приучился юродствовать, закрываясь маской дурачка от злобы человеческой. Он не был слабоумным, но сломленным, с травмированной психикой, с подавленной волей, и был неспособен к принятию самостоятельных решений и к управлению другими людьми. Кроткий и тихий, добрый и молитвенный, во многом не от мира сего, он не был готов к делу государственного правления, не мог держать в своих руках царского скипетра. Символично, что на коронации он, устав, отдал тяжелые для него государственные реликвии – скипетр и державу – в руки Годунова.

Шурин царя Феодора Борис Годунов был другим продуктом той же тиранической системы правления Грозного. Дядя его занимал важный пост постельничего, т. е. был начальником дворцовой охраны и сумел хорошо пристроить своих племянников. Сестра Бориса – Ирина – стала женой царевича Феодора, сам Борис был зятем Малюты Скуратова и имел прочные связи в сыскном ведомстве. Он никогда не служил в войсках, не был в походах или на дальних воеводствах, а провел всю жизнь при дворе, продвигаясь на поприще политического сыска и дворцовых интриг.

Известно, что незадолго до смерти Грозный учредил

при сыне Феодоре опекунский совет – семибоярщину, куда включил и Бориса Годунова. Первым указом царя Феодора после вступления на царство было присвоение Борису титула «правителя» и передача ему всех дел управления государством. Такое положение дало возможность Годунову постепенно без большого шума устранить всех своих конкурентов и просто недовольных им лиц, начиная с Московского митрополита Дионисия и знаменитого воеводы И.И. Шуйского и кончая старыми подельщиками по опричнине боярина Богдана Бельского и дьяка Щелкалова. Одни противники Годунова, например, князя Шуйские или бояре Романовы, были тайно умерщвлены в ссылках, другие отстранены от дел и запуганы возможной расправой. Все совершалось именем царя Феодора и руками бывшей опричной агентуры.

В ряду преступлений Годунова особо стоит убийство отрока-царевича Димитрия в Угличе. Известно, что по церковным канонам седьмой брак Грозного был незаконным (Церковь подтвердила незаконность уже четвертого его брака).

Мария Нагая поэтому не называлась царицей. Тем не менее при отсутствии собственных детей у царя Феодора отрок Димитрий оставался единственным его наследником. Поэтому он препятствовал Годунову в его планах по смерти царя Феодора самому занять престол. Исходя из методов Годунова по ликвидации своих соперников и применяя известный принцип при расследовании преступлений: «Кому это выгодно?» – можно с большой достоверностью предпо-

жить, что инициатором убийства царевича Димитрия был Борис Годунов. Комиссия по расследованию, посланная Годуновым и возглавляемая князем Василием Шуйским, дала ложное заключение о случайном самоубийстве царевича и обрушила репрессии на свидетелей – жителей Углича, многие из которых были сосланы в Сибирь. Святость царевича Димитрия, как страстотерпца, была позднее подтверждена нетлением его мощей и чудесами, чего не могло быть с самоубийцей.

Беспощадная борьба за власть, коварство и жестокость не мешали Годунову быть государственно мыслящим деятелем, волевым и энергичным, проницательным и осторожным политиком. Отрицательные нравственные качества совмещались у него с положительными деловыми способностями. Время его правления отмечено несомненными успехами во внутренней и внешней политике государства.

Его инициативе и настойчивости Русская Церковь обязана установлением патриаршества и, что еще более важно, – признанию своей автокефалии со стороны Константинопольского и других восточных патриархов. Известно, что Московская автокефалия, самопровозглашенная в 1449 году, не была признана в Константинополе, и в течение более ста лет отношения с этим патриархатом были прерваны. Признание московского патриаршества и участие патриарха Иеремии в интронизации первого Московского патриарха Иова означали также признание автокефалии Москвы, как

самостоятельной национальной поместной Церкви. Это было результатом долгих трудов русской дипломатии, возглавляемой Борисом Годуновым, хотя, продвигая в патриархи преданного ему Иова, он имел при этом свои виды.

К успехам внутренней политики Годунова принадлежит и общее замирение России, оставшейся после Грозного в плачевном опустошенном состоянии. При нем отмечался подъем хозяйства, наполнение казны, увеличение войска, строительство новых крепостей и городов.

Во внешней политике успехи тоже были значительны: возвращение утраченного при Грозном побережья Финского залива (от Невы до Нарвы), окончательное завоевание Сибирского царства, закрепление в Поволжье и в низовьях Терека, продвижение далее на юг «засечной черты», прекращение крымских набегов. Важным успехом дипломатии Годунова было продление перемирия с Польшей до смерти воинственного короля Стефана Батория, первое принятие в подданство Грузии, заключение оборонительных договоров с Ираном против Турции и с Данией против Швеции. Годунову удалось вывести Россию из состояния почти полной международной изоляции и бесперспективной войны на нескольких фронтах одновременно, бывшей при Грозном, добиться признания со стороны таких держав, как Англия, Австрия, Польша и Швеция, соблюсти национальные интересы, не прибегая к войне. К началу его вступления на престол положение Московского царства было прочным и никто из

соседей не помышлял о войне с ним.

В лице царя Феодора Иоанновича и Бориса Годунова обозначились два типа правителей. Первый – благочестивый и богобоязненный, но безвольный и самоустранившийся от дел правления, переложивший всю ответственность за государственные дела на шурина-правителя. Второй – реальный политик, расчетливый прагматик, умеющий приносить пользу государству, но никогда не забывающий и своих интересов, ничем не брезгующий для укрепления своей власти и популярности в народе.

Пример царя Феодора наглядно показал, что одного личного благочестия для монарха недостаточно, что он по данному им обету, принесенному в чине венчания на царство, не должен сам отдавать власть в другие не благословенные руки. Бремя власти должен нести тот, кто принял благодать помазания на царство. Если монарх не держит царского скипетра в своей руке, его тотчас подхватывают чужие проворные руки.

Правление царя Феодора поставило вопрос и о смысле царского служения. В лице православного царя соединялись два служения, имеющих разную природу: самодержца, носящего меч, осуществляющего мирскую власть, и церковного служения, имеющего благословение и помазание от Церкви, предстоящего Богу и разделяющего с церковным народом подвиги благочестия. Какой из этих аспектов для царя важнее и в каком они должны быть у него соотношении?

Земное царство, хотя и освящаемое Церковью, остается областью мира сего, не совпадающей с благодатным царством Христовым, областью ветхого, а не нового человека. Оно держится на принуждении людей в большей мере, чем на их свободном произволении, на земной справедливости больше, чем на самоотверженной евангельской любви. И поэтому оно требует действий, соответствующих природе земной власти: твердого контроля, нелицеприятного правосудия, пресечения зла силой. Бесконтрольность и безнаказанность фаворита-шурина была грехом царя Феодора.

Не издав никаких распоряжений о престолонаследии, царь фактически передал и самый трон в распоряжение Годунова. Первое время Борис правил именем своей сестры – царицы Ирины. Для придания легитимности своей власти он собрал представительный Земский собор (1598), члены которого «молили» Бориса «принять царство». Годунов долго не соглашался, ожидая «всенародного моления», высматривал, не покажутся ли конкуренты. Тем не менее процедура была соблюдена и Годунов был единогласно избран и призван на царство Всероссийским Земским собором.

Вторым шагом по закреплению власти было торжественное венчание и помазание Бориса на царство первым патриархом Московским Иовом. Став полноправным государем, приняв присягу от подданных и получив признание от соседних монархов, царь Борис продолжал проводить разумную политику в национальных русских интересах. Первые

два года его царствования прошли, не возбуждая народно-го недовольства. Оппозиция ему сохранилась среди конкурентов-бояр, особенно среди репрессированных. Они затаились, ожидая удобного момента.

Поводом для ропота послужил неурожай в течение трех лет подряд. Правительство Годунова принимало энергичные меры помощи голодающим за счет казны, но они оказались недостаточными. Современники тех событий (например, Авраамий Палицын) отмечали, что голод выявил жадность и жестокость многих людей, пытающихся нажиться на страданиях бедствующих братьев. Толпы голодных людей легко верили, что именно из-за Годунова Бог наказывает Россию. Этот тезис внедрялся в сознание народа оппозицией, нашел широкое распространение и в дальнейшем послужил доводом измены Годунову в пользу самозванца.

Карамзин указывал главную причину падения царя Бориса: «Народ не любил Годунова». И.А. Ильин писал, что главной проблемой монархии является доверие народа к монарху. Потеря доверия рано или поздно приводит монархию к падению. Венчает доверие – любовь к монарху, имеющая религиозную основу, подтверждаемую личными качествами монарха, его нравственным достоинством, а также его успешной политикой. Господь закрепляет этот религиозный союз монарха и его подданных, изливая в их сердца взаимную любовь друг ко другу.

Потеря доверия к Годунову коренилась в его прежних

преступлениях на пути к трону. Не все было известно о его делах, но нравственный портрет его как человека хитрого, коварного, способного на все, сложился у многих. Имело значение и то, что, будучи воспитанником опричного застенка, а не воинского стана, Годунов не умел вести честной публичной политики, не умел говорить с людьми ни перед воинским строем, ни перед народным собранием, не умел вдохновлять и вести людей на подвиг. В решающий момент столкновения с самозванцем от него потребовалось именно такое смелое и честное поведение, способное оправдать его перед лицом народа от возводимого на него обвинения. Но к такому поведению представитель сысского ведомства оказался неспособен. Нечистая совесть сделала его боязливым и нерешительным, как это верно подметил Пушкин.

Но эта нравственная неправда Годунова и его ущербная легитимность как царя давала ли русским людям, особенно служилым, право на измену, на нарушение крестного целования? Очевидно, что нет, и Русская Церковь в послании патриарха Иова это подтвердила. Присяга, принесенная перед Богом, не может быть самовольно нарушена. Грехи Годунова были его личными грехами, причем большей частью тайными, за которые он сам отвечал перед Богом. Он был законным православным царем, избранным на царство земским собором и помазанным патриархом; он не принуждал своих подданных к грехам против веры, к нечестию или ереси, а потому они должны были хранить ему верность и

подчиняться его повелениям. Но вскоре он столкнулся не с обычным претендентом на царство, не с подобным себе боярином-заговорщиком, а с совершенно новым явлением, до того не встречавшимся в русской истории, – и немудрено, что Годунов растерялся. Это был феномен самозванства.

Соблазн самозванца

Явление самозванства является довольно сложным, включающим в себя и монархический, и психологический, и религиозный аспекты. Впервые явившись в годы первой смуты в лице Лжедмитриев 1-го и 2-го и других менее известных авантюристов, оно потом неоднократно повторялось в течение XVII и XVIII веков. Причем это явление всегда встречало большее или меньшее сочувствие в народе, но никогда не оставалось совсем безуспешным. Некоторые мыслители считали самозванство специфическим русским явлением, подчеркивая, что русские люди чаще прельщались ложными политическими и религиозными вождями, чем абстрактными идеями. Митрополит Антоний (Храповицкий) писал, что только самозванцы могли произвести у нас значительные потрясения и в области мысли, и в жизни. А.Н. Островский отмечал эту удобопрельщаемость русских людей на соблазны самозванцев, когда говорил, что у нас может прослыть за пророка всякий, кому не лень и кому не стыдно.

Известно, что первый самозванец Гришка Отрепьев был служилым человеком у бояр Романовых. После их ссылки Годуновым Гришка, опасаясь за свою участь, постригся в монастыре. Вскоре он стал иеродиаконем и писцом у самого патриарха Иова. После своего воцарения в Москве он вернулся из ссылки оставшихся Романовых. Из них Феодор Ники-

тич, постриженный в монашество с именем Филарета, был возведен в сан митрополита Ростовского. Из-за этой тесной связи Отрепьева с Романовыми некоторые историки считали, что именно они, пострадавшие от Годунова, выдвинули против него самозванца. Борьба за трон между Годуновыми и Романовыми шла не на жизнь, а на смерть, и обе стороны в средствах не стеснялись. Очевидно, что самозванца выдвинули боярские круги Москвы, недовольные Годуновым, в качестве давления на него. Но движение самозванцев вышло далеко за пределы, поставленные его первоначальными организаторами. Оно оказалось подобным джинну, выпущенному из бутылки, и своим разрушающим потоком захлестнуло всю страну.

После бегства из Москвы Отрепьев, свергший с себя иноческий сан и ставший расстригой, несколько лет проходил воинскую стажировку в Запорожской Сечи, стяжав популярность у казаков. Затем он объявился у известного православного магната князя Константина Острожского, выдавая себя за сына Иоанна Грозного царевича Димитрия. Быстро поняв обман, князь Константин с бесчестьем прогнал его вон. Тогда Отрепьев предложил себя польским католическим магнатам – сандомирскому воеводе Юрию Мнишку и другим. Те тоже сразу поняли, что перед ними обманщик, но постарались извлечь из него пользу.

Справедливости ради стоит сказать, что большинство польских магнатов – членов Сената, канцлер Сапега и сам

король Сигизмунд брезгливо отвернулись от проходимца. Поддержку ему оказали только иезуиты и отдельные паны. Польская помощь была неофициальной, не от лица государства, а частной. Иезуиты поддерживали его под условием, что по достижении власти он будет проводить унию Русской Церкви с Римом по образцу Брестской унии. Когда они поняли, что самозванец их обманывает и не собирается вводить унию, они его бросили. Поэтому иностранную помощь Лжедмитрию не стоит преувеличивать. Основную часть его войска составили все-таки не поляки, а запорожские и донские казаки и русские изменники. Решающую роль сыграла измена Годунову войска, начиная с воевод, а затем почти всех московских бояр.

Появление самозванца поставило перед русским народом вопрос: кого считать законным царем? Последнего сына Ивана Грозного, якобы спасшегося чудесным образом, или Годунова, признанного Земским собором и Церковью, помазанного на царство Патриархом? Окружное послание патриарха Иова со всей ответственностью свидетельствовало, что Отрепьев беглый иеродиакон-расстрига, а не царевич, и напоминало о необходимости соблюдать крестное целование, данное царю Борису. Известно, что это послание не произвело на массы никакого впечатления, а лишь возбудило неприязнь к патриарху Иову, поддержавшему Годунова.

Таким образом, «народный монархизм» показал, что и Земский собор, и собор архиереев во главе с патриархом для

него мало что значат. Имponирующий толпе «харизматический лидер» с правдоподобной легендой вызывал большее доверие, чем нелюбимый царь и его сторонники. Имели значение и симпатии низов к опричным расправам Грозного над высшим сословием, подавшие дурной пример простонародью. Имя сына Грозного царя – врага бояр – оказалось притягательным для черни.

Известно, что Гришка Отрепьев для снискания популярности в низах вел себя как разбойничий атаман, а не как царь: участвовал в скачках, выходил с рогатиной на медведя, показывал свое умение в стрельбе и в рубке саблей, много пил, гулял, открыто блудил и т. п. Этим он действительно импонировал многим как «свой мужик». Позднее подобным образом вел себя и второй самозванец – «тушинский вор», а затем и Пугачев. Это показывает, что простонародный монархизм имел своим идеалом не христианского монарха, служителя Божия, а разбойничьего атамана, разбитного мужика, лихого, дерзкого и такого же, «как все». Демократическая среда не любит тех, кто выделяется среди прочих особыми способностями и достоинствами. Поэтому простонародный монархизм, отвергающий духовную качественность, умственные и нравственные достоинства, ненавидящий аристократию, чины и ранги, стремящийся к всеобщему уравниванию и выдвигающий такого вождя из своей среды в цари, оказывался выражением простонародного самоуправства и своеволия, раскрытием пресловутой «пролетар-

ской зависти и ненависти». Но такой «народный царь», лишенный священного ореола своего сана и достоинства своего служения, оказывался крайне неустойчивым и легко сменяемым правителем. Так и произошло с обоими главными самозванцами: когда симпатии к ним охладели, они были убиты своими недавними соратниками.

Простонародный монархизм соединял с появлением своего «мужицкого царя» надежды на некий «золотой век», ожидал с его приходом особого земного благоденствия. Как в свое время Годунову ставился в личную вину постигший Россию неурожай, так с появлением на троне «прирожденного царевича» ожидалось наступление счастливой эпохи. «Своему» царю приписывалось как бы мессианское значение. Эти мечтания, сродные скорее иудаизму, чем христианству, показывали религиозно нездоровую среду, из которой вышел подобный монархизм. Внешне православная народная масса, не знающая христианского учения, отвергающая иерархию, оказывалась склонной к усвоению сектантского духа. Можно провести параллель с крестьянской войной в Германии в 30-е годы XVI века под предводительством лжепророка, лидера анабаптистов Томаса Мюнцера, который обещал своим сторонникам земное светлое будущее.

Самым страшным в явлении самозванства было то, что оно несло на себе явный отпечаток антихриста, было как бы репетицией антихриста в отдельно взятой стране. Законный христианский самодержец являет в своем служении некото-

рые черты истинного Царя царствующих – Христа и царствует благодатной силой Вседержителя. Напротив, самозванец, выдающий себя не за того, кто он есть на самом деле, являет в себе черты антихриста. Основная черта самозванца – оборотничество, ложь во всем: в поведении, жизни; ложь как существенная принадлежность всей деятельности, постоянная игра и актерство. Самозванец был действительно антицарь: вместо царя и против царя истинного.

Самозванец обманывал всех без исключения, начиная с русских предателей и кончая поляками, которым тоже не верил. Своей ложью он заражал и окружающих. Непередаваема сцена лжесвидетельства матери убитого царевича Дмитрия – Марии Нагой, в иночестве Марфы, которая «узнала» в самозванце своего «сына» и разыгрывала перед толпой «материнскую радость». Страшно было массовое соучастие народа в этой лжи, поклонение самозванцу как законному царю, несмотря на ясное предупреждение патриарха Иова. Эти картины народного беснования при вступлении вора в Москву одни из самых черных в нашей истории. Справедливо высказывание одного церковного историка, что наш народ чаще обольщался антихристом, чем дьяволом.

На этом общем темном фоне ярко сияют те немногие русские люди, которые не поклонились человеку беззакония, а публично обличили его. Среди них первым идет старец патриарх Иов, схваченный в храме и после поругания сосланный в Тверской Отрочь монастырь. Летописец Авраамий

Палицын упоминает двух мучеников: дворянина Петра Тургенева и купца Феодора Калачника, которые при всех обличили самозванца и укорили народ именно «за поклонение антихристу». Под одобрительный гогот толпы им отсекли головы. К сожалению, ни тот, ни другой не канонизированы Русской Церковью. Немного спустя к этому сонму исповедников присоединился даже такой пререкаемый персонаж, как князь Василий Иванович Шуйский. Он тоже публично обличил самозванца и был приговорен им к смерти. Он уже лежал головой на плахе, когда Отрепьев, изображая «царскую милость», заменил ему смертный приговор ссылкой. Этим мужественным поступком Шуйский загладил многие из своих прошлых грехов и показал себя лидером сопротивления вору.

Вступление самозванца в Москву сопровождалось страшным преступлением, имевшим последствия для всей России, – убийством сына Бориса Годунова Феодора и его вдовы Марии. Сам царь Борис скоропостижно умер в апреле 1605 года, оставив наследником 16-летнего сына. Феодор Борисович был юноша способный, не испорченный, готовившийся к царскому служению и не имевший грехов своего отца. По личным своим качествам он был выше Михаила Романова, занявшего Московский престол восемь лет спустя. Но эти восемь лет были наполнены ужасами смутного времени. Верность народа могла бы избавить страну от полного разорения.

Феодор был уже объявлен царем, и москвичи принесли ему присягу. Вскоре подлая измена в войсках, перешедших на сторону самозванца под Кромами, резко изменила обстановку. Шествие вора к Москве превратилось в триумфальное шествие измены. Немногие верные присяге были схвачены и убиты предателями, например, доблестный Боровский воевода, убитый в храме возле раки мощей преподобного Пафнутия. Больше всех в угождении самозванцу старались те, кто еще недавно низкопоклонствовали перед Годуновым, – так рабские души мстили своему бывшему государю. На фоне всеобщей измены юный царь Феодор обнаружил присутствие духа, отказался от бегства и остался в Кремле. Самозванец объявил московским делегатам, что не войдет в Москву, пока живы Годуновы.

Царя Феодора убивали не в подвале ночью, а в Кремле среди бела дня, не евреи и не мадьяры, а свои московские стрельцы. Сначала у него на глазах задушили его мать Марию, затем вырвали у него половые органы и, наконец, задушили самого (см.: доцент Сумароков «История Русской Церкви», Харбин, 1944). Страстотерпец царь Феодор Борисович тоже не прославлен Русской Церковью, и его смерть не получила должной оценки у многих историков. А между тем это было именно цареубийство, подобное убийству царевича Димитрия, но при этом лица, уже вступившего на престол, которому принесли присягу и нарушили ее. Это убийство произошло в столице, а не в провинции, и не только

не вызвало осуждения, но даже и сочувствия к его жертвам. Летописцы и позднейшие историки списывали эту смерть то на грехи Бориса, то на бесчинства самозванца.

Иначе смотрели на это перво святители Русской Церкви, патриарх Иов и патриарх Гермоген, которые после свержения самозванца (1606) установили особый пост с молением о прощении грехов клятвопреступления царям Борису и Феодору. Нарушение присяги царю Борису, а потом и Феодору Годуновым было началом грехопадения русского народа в первую смуту, а продолжением стало одобрение цареубийства и новая присяга уже самозванцу. Это был всенародный грех, повязавший всех круговой порукой и вызвавший гнев Божий. Эти события, как и ликование москвичей при встрече самозванца, ярко показывали черты сходства с картиной будущего воцарения антихриста. То же опьянение и беснование большинства народа, та же утрата разума и совести, то же поклонение величайшему злодею – оборотню. Духовное рассуждение сохранили немногие – те, которые не соучаствовали в общественном грехе. В их среде возникла идея сопротивления главному врагу России – самозванцу.

Царь Василий Шуйский в борьбе со смутой

Движение самозванства, будучи революционным по своей сути, разрушало все основы бытия: религиозность, нравственность, общественный и государственный порядок. Поэтому оно не было прочным. Очарование самозванцем длилось недолго. Он слишком много обещал и ничего не исполнил, всех обманул и не оправдал ничьих надежд. Уважения и любви к нему не могло быть, всем он уже стал в тягость.

Эту перемену в общественном настроении чутко уловил князь Василий Шуйский, составивший заговор против самозванца. Заговор привлек сочувствие многих москвичей, и в мае 1606 года, через год после вступления Лжедмитрия в Москву, произошел переворот. Сторонники Шуйского ворвались в Кремль. Охранявшие вора стрельцы заявили, что не будут его защищать, если мать царевича Димитрия инокиня Марфа засвидетельствует им, что это вор, а не ее сын. Привели эту женщину, которая призналась, что ее сын убит, а в пользу вора она ранее лжесвидетельствовала со страху. Стрельцы убили вора, тело которого потом сожгли. Во время этого мятежа было убито несколько сот поляков и других иностранцев. Но расправа не заменяла покаяния в собственных грехах.

Тестя самозванца Юрия Мнишка и некоторых других за-

хваченных панов доставили к руководителям восстания. Бояре обрушились на них с упреками: «Вы, ляхи, привели к нам в Москву вора». Те с дерзновением отвечали, что во всем виноваты сами москвиты: избрали себе царем Бориса Годунова, потом изменили ему и его сыну Феодору, которого убили, призвали Димитрия и ему тоже изменили и убили. Доколе, мол, вы будете нарушать присягу своим государям и убивать их? Шуйский ничего не смог ответить на это полякам и отпустил их на родину.

Вопрос, заданный панам, вскоре повторил к народу и новый патриарх Гермоген. Всенародный грех не возможно было смыть вражеской кровью или списать на одного самозванца, как козла отпущения. Такой грех требовал всенародного покаяния. Это понимал новый глава Русской Церкви патриарх Гермоген, избранный вместо низложенного сторонника самозванца, грека-авантюриста Игнатия. Первым шагом нового патриарха было обретение мощей святого царевича Димитрия и торжественное перенесение их в Москву. Мощи были обретены нетленными, и от них совершались чудеса. Самым большим чудом было покаяние согрешивших москвичей, начиная от матери царевича, плакавшей перед мощами сына-страстотерпца. Обретение мощей святого царевича Димитрия должно было ясно свидетельствовать о ложности и богопротивности движения самозванства.

Вторым шагом патриарха Гермогена был вызов в Москву находившегося на покое старца патриарха Иова, к тому вре-

мени полностью ослепшего. После особого поста оба патриарха разрешили кающихся москвичей от греха нарушения присяги царям Борису и Феодору и предупредили их, чтобы те впредь не дерзали приставать к самозванцам и нарушать присягу новому царю Василию.

Царь Василий Иванович, в отличие от Бориса Годунова, не был избран Всероссийским Земским собором, а только московскими людьми. На это обстоятельство впоследствии указывали его противники. Он не был избранником «всей Русской земли», а только предводителем московских людей, свергнувших самозванца. Правда, по рождению он был «принцем крови» (по выражению иностранцев), т. к. происходил из рода суздальских князей (ветвь князя Андрея Ярославина, брата святого Александра Невского). Его прошлая жизнь была весьма несветлой, омрачена лукавством, интригами и лжесвидетельством (по поводу убийства царевича Димитрия). Некоторые его братья, дядя и другие родственники погибли в ссылке при Годунове, а сам он выжил ценой лукавого приспособленчества. Однако он первым среди бояр обличил самозванца, а затем возглавил против него восстание. Это, видимо, учитывал и патриарх Гермоген, помазавший Шуйского на царство и поддерживающий его в течение всего правления. Поддерживали его и все остальные русские архиереи.

С легкой руки Пушкина Василий Шуйский остался в памяти потомков «лукавым царедворцем». Возможно, это

справедливо, пока Шуйский был только царедворцем. Сделаем, однако, оговорку, что и при Грозном, и при Годунове царедворцы без лукавства не могли сохранить не только своего положения при дворе, но и самой жизни, и пример фамилии Шуйских это наглядно показывает.

Возглавив сопротивление самозванцам и, более широко, всей мятежной стихии, разлившейся по Руси, царь Василий Иванович объективно оказался вождем движения за национальную государственность, за законность и общественный порядок, за Церковь против революции, анархии и беззакония. Именно Василий Шуйский первым взял тяжкий крест «белой борьбы с красной стихией» и вынес основную тяжесть этой борьбы. Четырехлетнее правление Шуйского (1606 – 1610) было временем ожесточенной гражданской войны, наконец сломившей силы мятежа. Дважды при нем Москва оказывалась осажденной мятежниками и дважды была чудесно избавлена от них. Изнемогший в этой неравной борьбе с самозванцами и поляками, царь Василий был предан, свергнут и выдан полякам. Проведя восемь лет в польском плену, он там и скончался, забытый соотечественниками, которые, избрав в 1613 году нового царя Михаила Романова, не позаботились о судьбе царя Василия, которому в свое время присягали, а потом изменили.

Царь Василий Шуйский вступил на московский престол в чрезвычайных условиях гражданской войны, путем военного переворота, а не избранием Земским собором. Такой

способ получения власти был обусловлен тем, что Шуйский выдвинулся именно как вождь национальных русских сил в борьбе с революцией. Но его нельзя считать незаконным претендентом или узурпатором. Происходя от суздальской ветви династии Рюриковичей, он имел больше прав на престол, чем Годуновы и Романовы. Важно было то, что он пользовался полной поддержкой духовного вождя того времени патриарха Гермогена, который неоднократно лично увещал и обличал изменников, писал послания в его поддержку, а после свержения Шуйского и его насильственного пострижения не признал законности этих действий. К сожалению, слово первосвященника Церкви не произвело должного действия, как перед этим и слово патриарха Иова. Бунт, разожженный первым самозванцем, нашел на Руси много горючего материала и разгорался все сильнее.

«Национал-большевики» из лагеря Болотникова

Вскоре после воцарения Василия Шуйского разгорелся новый мятеж. Он проходил опять под знаменем «царя Дмитрия», якобы снова чудесно спасшегося от убийц. Ни мощи святого царевича Димитрия, открытые в Москве для всеобщего обозрения, ни смерть первого самозванца, засвидетельствованная тысячами людей, мятежников не убеждали.

Именем второго самозванца действовал беглый холоп Иван Болотников, назначенный им главным воеводой. В войске Болотникова не было иностранцев, большую часть составляли крестьяне, холопы и донские казаки, меньшую – отряды из дворян. Численность этой «красной армии» была достаточно велика: Болотников привел под Москву осенью 1606 года около 80 тысяч человек (для сравнения: князь Д. Пожарский имел под Москвой около 10 тысяч).

Движение Болотникова один церковный историк (проф. Карташев) верно назвал «большевицким». Стоит уточнить – национал-большевицким. Митрополит Анастасий отмечал, что и сам Болотников, и его сторонники по своим взглядам не были ни атеистами, ни интернационалистами, ни республиканцами, а православными русскими и монархистами. И тем не менее по своему душевному складу, по своим идеалам и особенно по своему поведению они были предками

национал-большевиков XX века – Миронова, Сорокина, Чапаева, Думенко и прочих «героев гражданской войны». В их поведении была та же одержимость, та же фанатичная убежденность, вера в светлое будущее, которое должно наступить после прихода к власти своего «мужицкого царя».

Ради этого светлого будущего они ничего не жалели: ни себя, ни друзей, ни тем более врагов. Ради этого они отвергали и Божественные, и человеческие законы, государственную и церковную иерархию – все, что им мешало. Мечтания в духе хилиазма и стремление к справедливости, понимаемой как уравниловка, сочетались у них с радикальным нигилизмом и пафосом разрушения общества и государства. Методами их были полный произвол и беспощадный самосуд. Здесь подлинно представлен был «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Конечно, в лагере Болотникова было немало и откровенно разбойного элемента, вышедшего «грабить награбленное», но большинство все-таки составляли фанатики, а не уголовники. Последние позже преобладали в тушинском лагере.

Одержимость и фанатизм делали болотниковцев очень серьезным противником. Они отчаянно дрались с царскими войсками, неоднократно наносили им поражения, редко сдавались в плен. Никакие компромиссы с этими людьми были невозможны. Именно в этот период первая русская гражданская война достигла наибольшего ожесточения.

Всю зиму 1606–1607 года Болотников осаждал Москву,

засылал в нее агитаторов, уговаривал москвичей сдаться.
Царь

Василий был в тяжелом положении: власть его признавали далеко не все области, и в самой Москве его власть колебалась. Огромное значение имела для него поддержка патриарха Гермогена, который убедил москвичей сохранять верность законному царю и укрепил решимость самого царя Василия к сопротивлению. Устрашенные большевизмом Болотникова, от него ушли дворянские отряды Ляпунова и Пашкова, что изменило соотношение сил. После этого юный племянник (22 года) царя Василия князь Михайло Скопин-Шуйский удачной вылазкой разгромил Болотникова, отступившего сначала в Калугу, а затем в Тулу. Опасность мятежа заставила выступить в поход самого царя Василия, который перед Владимирской иконой Божией Матери дал обет: победить или умереть на поле брани. Благословенный патриархом Гермогеном поход царя закончился победой – остатки войска Болотникова во главе с ним самим летом 1607 года сдались в плен в Туле.

Тушинский вор

Но разгром и плен Болотникова не означал еще конца смуты. Осенью того же 1607 года из Северной Украины двинулись новые полчища мятежников под началом самого второго самозванца. Их костяк составили авантюристы из польской шляхты и запорожские казаки, к которым примкнули остатки болотниковцев с донским атаманом Заруцким и русские изменники.

Профессор Р. Г. Скрынников («Минин и Пожарский. Хроника смутного времени») убедительно показал, что второй самозванец был еврей-уголовник из местечка Шклов, сидевший в тюрьме за ограбление православной церкви. После его смерти в его вещах нашли Талмуд и еще кое-что, указывающее на его принадлежность к иудейству. И такой-то человек собрал вокруг себя многотысячное войско, заставил служить себе многих русских бояр и польских панов и три года держал в страхе всю Россию! Сама собою напрашивается аналогия с «красным Наполеоном» – Троцким, создателем Красной Армии. Но как могли русские люди признать такого вора за царя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.